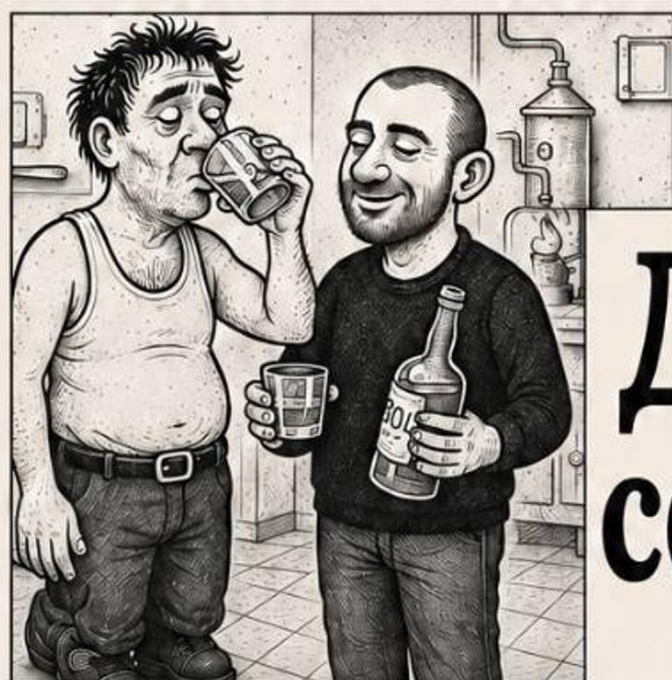

Изя Фишман

Друг семьи

Изя Фишман
Друг Семьи

«Автор»

2026

Фишман И.

Друг Семьи / И. Фишман — «Автор», 2026

«Друг семьи»—сборник юмористических и автобиографичных рассказов Изи Фишмана, основанных на реальных событиях. Автор смеется прежде всего над собой, а потом — над окружающим миром. Почти все герои реальные люди. Правда, некоторые из них, возможно, предпочли бы об этом не знать. Все совпадения не случайны.

© Фишман И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Друг Семьи

Глава

Предисловие

В руках у вас не художественная проза и не мемуары: это осколки времени, случайные встречи, мои глупости, моя любовь, эмиграция. Всё собрано в автобиографическую мозаику жизни. Где-то приукрасил, где-то память подстергла события, но почти все эти истории произошли со мной или с моими знакомыми.

С любовью Изя Фишман.

Носорог

Началось это в хрущёвской коммуналке, примерно сорок лет назад, когда я пытался делать первые шаги в своей жизни. То ли центр тяжести был смещён или какие-то другие причины, но я постоянно падал вниз головой, отчего на лбу, чуть выше надбровных дуг, сияла шишка.

Бабушка говорила:

— Изя, ты — как носорог.

Но по-серьёзному это глупое прозвище прилипло, когда мы с пацанами играли в индейцев. Все падали, получая ссадины, только один я продолжал набивать шишку. Занимаясь в конькобежной секции и посещая зоологический факультатив в школе, понял, насколько сильно связан с этим млекопитающим. На коньках, велосипеде и роликах продолжал падать, а вместо шишки образовалась сухая мозоль, и исчезло болевое восприятие. А в пятом классе, когда мы готовили лекцию о животных Африки, мне волей судьбы достался носорог. После этого меня стали звать в глаза и за глаза - только «носорогом».

Получив аттестат, я поступил в пединститут на биологическое отделение. Закончив, по распределению попал в Алтайский Государственный заповедник младшим научным сотрудником, там же написал кандидатскую. Когда всё было готово, приехал в родной ВУЗ защищаться. На кафедре встретил лаборантку Люсю. Как показалось, вспыхнул костёр чувств, и на вечеринке у моих школьных друзей, выбрав удобный момент, сделал предложение.

— Ты что! Да все забыли, что тебя Изя зовут! А я не хочу быть женой носорога - «носорожихой». Да и Генка Орлов у меня руку просит.

Я хотел объяснить, что это глупая кличка, моя фамилия на русский переводится как рыбный человек, и у меня на руках вызов в Израиль, Родину моих предков. А потом подумал, надо ли?

Отвёз Люську домой, поехал ставить отцовскую "копейку" в гараж, да в тёмной подворотне джип задел. У меня на жигулях фара разбилась, а у джипа на бампере появилась царапина в три сантиметра. Выходит здоровяк в кожаной куртке и говорит:

— Ну, мужик, ты попал на бабки! Как тебя зовут? Чем занимаешься? А я ему говорю:

— Денег нет, хочешь, вызывай милицию. Зовут меня "Носорог", я только защищаюсь.

— Значит, носорог, сейчас я из тебя бычка делать буду! И как даст мне в лоб по шишке. Я только крикнул, но на ногах устоял. А он, словно музыкант из джаз-оркестра, быстрый танец на банджо заиграл. Трясет рукой, дует на неё и бормочет:

— Носорог, только не нападай, скажи, где так научился удар держать.

А я со злости:

— В Шаулиньском заповеднике!

— Носорог! Нельзя с такой бронёй на такой тачке ездить! — сказал он и быстро удалился.

Сейчас у меня HYUNDAI ACCENT, живу в Тель-Авиве. Друзья помогли устроиться в Сафари-парк. Там я кормлю медведей и пишу научную работу. А когда есть время, наблюдаю за носорогами. Там, заметил, есть один с поломанным рогом, он всё время держится особняком. Может, он в другой жизни человеком был? А сейчас у него просто смещён центр тяжести.

Сантехник

С детства я хотел кого-то спасать, кому-то помогать, когда приходит беда. С первыми признаками полового созревания окончательно решил: стану пожарным, в хромовых сапогах и медной каске. Но планам не суждено было сбыться; на комиссии в военно-пожарное училище меня забраковали по состоянию здоровья. Тогда подал документы в строительный институт на

отделение "КАНАЛИЗАЦИЯ И ВОДОСНАБЖЕНИЕ". Как мне казалось - эти две профессии взаимно сопоставимые. Там борьба со стихией с помощью воды, а здесь — против воды и запаха, да и сапоги резиновые как униформа присутствуют.

Но всё оказалось не так весело, как на экзаменах по специальности, когда старый профессор задавал студентам вопрос:

— Что всегда не тонет в бачке унитаза?

Если студент говорил: «поплавок», профессор с кислой физиономией допускал его к экзаменам. А если какой-нибудь умник говорил обратное, он сиял, как каска пожарного, довольный, что услышал любимое словцо и ставил «неуд».

А в реальности это походило на войну. Когда в сорокаградусный мороз надо поменять несколько размороженных стояков, и жильцы ждут тебя, как бога. Да ты и сам понимаешь: там маленькие дети, старики. А у тебя две бригады гепетэушников, которые не знают в какую сторону вентиль крутить. И два бригадира - дядя Вася и дядя Вова, устроившие перегонки с «зелёным змеем», пытаются смеситель со склада обменять на бутылку денатурата. Время идёт, отопительные сезоны заканчиваются, а с годами приходит авторитет. Но всё приходится начинать заново на Святой земле. Нет времени упражняться в языке предков. Правда, есть специальность, есть знания, и ещё жена беременная вместе со мной на двойню замахнулась.

Всё это и привело меня в сантехническую компанию, где помимо меня, ещё двое подсобных рабочих - арабов работали. Я сразу понял, что там и здесь эту профессию объединяет запах и форма предназначения. Там сантехник был в одной команде с Василием Ивановичем и Штирлицем - пусть даже бедный, но уважаемый.

А здесь всё наоборот: заправляет всем этим кооператив ассенизаторов. Человеку с улицы легче до Бейрута пешком дойти, чем попасть в члены кооператива. На подхвате - пожалуйста, а работать самостоятельно?

Там были чертежи, допуски, ГОСТы. А здесь всё на глазок, как конструктор "Лего", отрезал не так пластик, поменял другим. Надо отдать должное моим арабским коллегам. Я пробку в фановой системе пытаюсь пробить с помощью гидравлики и приспособлениями, как учили. А Махмуд, тоже, очевидно, как учили. С разбега ныряет и идёт по трубе «ершиком», пробивая и выгребая всё на пути. Он экономит время, а я теряю нервы.

Профессиональное терпение лопнуло, когда одна чопорная дама из Савиона* скандал учинила, после того как мы ей джакузи установили. Видите ли, пузырьки не туда поступали. Я попросил своих арабских коллег скорректировать ей направление воздуха, а сам уволился.

Я уже работаю в другом месте, и как мечтал в детстве, спасаю. Правда, спасаю только себя, помогаю семье выбраться из минуса в банке. Что хотел - то и вышло...

*Савион - очень богатый район большого Тель-Авива

Повезло

Азарт может поселиться в любом теле. Особенно, если тело 15-летнее и прыщавое.

Однажды родители вручили Изе рубль и послали в магазин купить 250 граммов пошехонского сыра, батон чёрного хлеба и связку баранок. Рядом с домом находился гастроном «Колос» - типичный продуктовый магазин с облезшими окнами и унылыми лицами. А прямо напротив, сверкая стеклянными витринами и гордо выпячивая железные обвесы архитектур-

ной гордости, сиял Центральный Универсальный Магазин - из трёх букв: ЦУМ. Народ ломился не в «Колос», а в универмаг, хотя на пыльных полках там всего лишь были пыжиковые шапки, чёрные баяны плюс деревянные балалайки, да женские сарафаны фабрики «Большевичка».

Очереди там тоже не было, очередь была — в другом месте, под огромной лестницей, где толпился живой, гудящий муравейник. Люди стояли за «Спринтом». В стране развитого социализма эта лотерея почти считалась западным Лас-Вегасом. Быстрая и мгновенная - за двадцать копеек. Не надо ждать розыгрыша, не надо сверять серию с номером в сберкассе. Просто соскребаешь монеткой или пальцем защитный слой краски на билетике - и ты уже знаешь, что ничего не выиграл.

Ноги сами занесли Изю в ЦУМ. Очередь, пахнувшая докторской колбаской и балтийской килькой, засосала, как воронка. Подросток стоял, зажатый со всех сторон мужиками и тётками. Кто-то сопел, кто-то икал, слева звенели мелочью, а Азарт - насмехаясь, подмигивал.

Тётя Роза отсчитала из коробки пять билетиков счастья и сунула в руку молодому человеку.

Сердце застучало где-то уже в горле.

— Ещё или хватит? — спросила она с тем самым выражением лица, как будто уже знала ответ.

Изя промолчал. Голос потерялся где-то между пищеводом и солнечным сплетением. Он просто кивнул — «Хватит», — и шоркая старыми ботинками, неторопливой походкой отошёл в сторонку.

— Да, судьба играет человеком, а человек играет на трубе, — подумал Изя.

Первый. Второй. Третий. Четвёртый билет - пробили мимо цели. Там ничего не было. Дрожащей рукой Изя вскрыл последний, пятый билет. Тёр уже подуставшим пальцем, отведя глаза в разные стороны, в ушах звенело.

Вдруг нули стали выпрыгивать из-под ногтя: один, два, три, четыре... и ещё одна цифра впереди - точно единичка!.. Десять тысяч?!

Изя замер. Всё сжалось.

Но через секунду эйфория начала отступать. Протерев кулаком глаз и проморгавшись, зрение вернулось. Было всего два ноля. Каких-то сто рублей. Спрятав в подъезде под перилами соточку, Изя вернулся домой без баранок.

— Где продукты? — зло спросила мама.

— В магазине.

— А рубль? — возмутился отец.

— Потерял.

Второй раз повезло - ровно через десять лет, в том же «Колосе», когда кассирша, не найдя сдачи с трёх рублей за портвейн «777», всучила лотерейный билетик ДОСААФ за 50 копеек.

Изя забыл о нём, в молодые годы - были дела и поважнее.

А билетик - полумятый, потёртый, без блеска, с чётко читаемым номером и серией - увидел наконец дневной свет, когда Изя решил постирать свои затёртые джинсы, как учила мама, предварительно вывернул карманы.

Идти или не идти в сберкассу? Проверить или выбросить? Но приятный озноб и предчувствие, что когда-то должно произойти, щекотали сознание.

Газета с результатами лотереи под стеклом уже ждала у входа. Расположена она была на проходе в сберкассе - промахнуться было невозможно.

Внимательно приглядевшись - третья строчка подмигнула выигрышной серией! Закосив взгляд направо - сошёлся и номер. Лоб вспотел.

Кассирша сказала:

— Если хотите, можно получить 350 рублей прямо сейчас. А если нужен холодильник, то нужно заполнить бланк и ждать, когда его привезут на базу.

Изя рассудил: зачем ему дома новый холодильник, когда есть пианино, которое после развода обещала забрать бывшая жёнушка - как только найдёт грузчиков, готовых спустить инструмент с девятого этажа.

Придя домой, довольный собой и своей фартовостью, Изя выложил семь пятидесятирублёвых купюр веером на облупленную крышку пианино, налил в стакан остатки портвейна, накатил - и уснул на диване.

Утром назойливая муха залетела в окно, как «мессершмитт», кружилась и мешала видеть красивые сны. Мысли смешались, как мозаика из приятных картинок.

В семь утра зазвонил будильник. Потихоньку, не спеша, чтобы сразу не прогонять приятный сон, Изя приоткрыл глаза и покосился на крышку пианино.

А ведь это был не сон. Пасьянс новеньких пятидесятирублёвок вальяжно разложился на крышке пианино. Азарт с удачей опять подмигнули!

Третий раз повезло - в Израиле.

Азарт выиграть в лотерею с мечтою разбогатеть от изнуряющей жары докучал сознанию с маниакальной настырностью.

Знакомый раввин Яша посоветовал: прежде чем играть в азартные игры на Святой Земле, нужно написать записку, сходить к Стене Плача и - обязательно! - воткнуть бумажку между камней, помолиться.

Каллиграфическим почерком Изя вывел три магических слова:

«Сделай меня богатым»

Дождавшись удобного момента, нацепив кипу, Изя уже стоял напротив Стены Плача. Рядом молились верующие. Он встал на носочки - чтобы записка оказалась как можно ближе к Богу и воткнул её в самую высокую расщелину, до которой только смог дотянуться. И улыбнулся.

Прошло 15 лет. У Изи - трое прекрасных детей: две девочки и мальчик. Он счастлив. Изя больше не играет в азартные игры.

Мораль: Если в тебе живут Азарт и мечта разбогатеть, и ты просишь помощи у Бога - формулируй желание правильно. Там, наверху, всё понимают дословно.

«На вершине блаженства»

Глава 1. Коля Чемоданов

Как пелось в одной блатной песенке:
Я в детстве был примерным мальчиком,
Послушным сыном и отличником.
Гордилась мной моя семья.

Всё шло по накатанной дорожке - школа, да не одна, ещё в музыкалку по классу скрипки дедушка записал, мотивируя:

— Эйнштейном можешь ты не быть, а на инструменте играть обязан!

Эта дорожка свернула в сторону, когда появились первые прыщи и пробились жидкие усики, а то, что ботаничка называла пестиком у цветков, почему-то росло не по дням, а с каждым утром. Пытался замерять, к сожалению, школьного транспортира не хватало. Единственное, что оставалось постоянной величиной - угол наклона относительно горизонта. Скажу честно, я стал долго завязывать шнурки, наклонившись за упавшей резинкой, и сквозь призму столов и стульев разглядывал какие панталоны у той же ботанички. Но до окончательного разложения личности было ещё очень далеко.

Спасла армия. В начале восьмидесятых в институте отменили военную кафедру, и нас молодое поколение, выбравших: «Машину времени», секс и сигареты «Родопи», забрали в армию. Особенно тяжело было таким, как я. Что давал институт на первом курсе, кроме высшей математики и начертательной геометрии? Это первоначальный сексуальный опыт. Потом,

часто кемаря на боевом посту с карабином, я представлял, как вместо цевья, тискаю худую зеленоглазую сокурсницу Люську. Но опять до окончательного разложения было далеко. Два года не прошли бесследно, организм от воздержания окреп. Прибавилась мышечная масса, и от бритья появилась сексуальная синева, лишний раз подчёркивая мужественность студента.

Студенческая жизнь текла размеренно, как и у всех студентов того времени. Полгода били баклуши, а месяц перед очередной сессией зубрили пропущенные лекции. В конце четвёртого курса меня вызвала к себе в кабинет проректор по воспитательной работе Татьяна Ильинична. Татьяна Ильинична представляла собой сочетание строгости, переходящей в отточенную грацию. Сто процентов, что даже сейчас много любовных стрел ломалось об каменное сердце этой дамы, а что было лет 30 назад? Остаётся только посочувствовать тем товарищам, которые пытались закадрить столь неприступный бастион, пропитанный французским парфюмом.

После того, как до меня дошёл шлейф аромата Татьяны Ильиничны, я растворился в своих сексуальных фантазиях. И только после третьего упоминания моего имени стал потихоньку «спускаться» на паркетный пол.

— Молодой человек, администрация ВУЗа поручает вам организовать досуг студентов в клубе института «Парфенон». Вы товарищ положительный, на скрипке в детстве поигрывали, да ещё и после службы. Ну и вообще, вы мне нравитесь, — сказала она как-то смущённо.

После таких доводов - с косвенным намеком на сдачу многих предметов экстерном - я готов был возглавить даже строительство нового канала «Кара-Кум». Тут меня судьба и подловила.

Я рьяно взялся за дело с Олегом, таким же студентом, как и я. Но, при появлении в клубе, нас ждало разочарование. Вместо оборудованного под дискотеку «Парфенона», в котором мы на первом курсе выплясывали под «БОНИ М» и «АББА», нас встретила столовая на двести посадочных мест, пропитанная тяжёлым запахом квашенной капусты.

Олег сказал:

— Не беда, я знаю администратора областного драмтеатра Колю Чемоданова, хороший мужик, но немного со странностями. Он должен нам помочь с аппаратурой, светом и декорациями.

Только позже я понял про какие странности говорил мой товарищ.

Зайдя в кабинет администратора без приглашения, мы уселись на два обшарпанных стульчика, он же восседал в кожаном «купеческом» кресле. Чемоданов четверть часа говорил с кем—то по селектору, активно жестикулируя и явно игнорируя наше общество. — Что надо!? — обронил хозяин холёных ручек. Работник искусства был с откровенно не выпавшейся физиономией, на которой крупным планом читалось: «этой ночью такое вытворал».

— Здравствуйте, Николай Николаевич! Мы у вас хотели бы кое—что попросить в аренду. Вот, общественное поручение выполняем, создаём молодёжный центр на базе студенческого «Парфенона», — промямлили мы.

— Студентки! Первокурсницы! Свеженькие! Сотни в одном месте!

Лицо администратора на наших глазах стало гладким, мешки под его глазами вмиг исчезли, а на голове пушок, покрывавший залысины, встал в боевую позицию.

— Разговора нет, что надо — берите! Сам вам завтра помогу. Хотел бы сегодня, да не могу, дела! Надо на обед к одной даме заскочить, накормить. (Я только позже узнал, почему на обеде не кушают, а кормят) Я ведь по образованию филолог, — выдал Николай Николаевич. — Даже в школе два дня проработал, на третий меня выгнали. Мы с директором той школы не сошлись в учебно-воспитательном процессе. Меня больше десятиклассницы волновали, а того старого козла - только геморрой и садовый участок за городом. А недавно к нам Московский балет приезжал, — не делая паузы, продолжал явно взбодрившийся администратор. — Что они вытворяли, какая растяжка! Я с четырьмя в гостиничном номере закрылся, они такие

дрессированные: синхронно по команде, то «лицом к стенке», то «в позу эмбриона», хлопок в ладоши - «все на меня»! Какая выучка, одним словом, Московский балет! Ну ладно, я побежал, завтра в семь утра у меня дома. Первый курс, не может быть! Балет на льду! Ха — ха — ха!!!

И машина с администратором областного драмтеатра, обдав облаком выхлопного газа, умчалась на обед — кого—то «кормить».

Рано утром мы примчались на квартиру, где жил Коля Чемоданов. Я, конечно, не знал, что в дальнейшем в этой холостяцкой «берлоге» буду желанным гостем в любое время суток. А Коля Чемоданов, несмотря на большую разницу в возрасте, - моим лучшим другом. Полгода работы в студенческом клубе и родство душ с Колей заметно проявились в моём отношении к прекрасному полу. Женский контингент я для себя разделил на три группы.

Первая: которые теоретически не против, вторая: которые против всегда и третья: которые готовы всегда. Из второй выделил две подгруппы: круглые дуры и однолюбки, что в принципе - одно и то же.

Приближались майские праздники, и деканат института решил сделать с нашей помощью несколько тематических вечеров для студентов. На одном из таких вечеров я представил администратора драмтеатра Татьяне Ильиничне.

После вечера Коля подошёл ко мне и выдал:

— Проректорша ещё в форме, давай, дерзай! Чувствую, «наш человек». Сколько лет на себя надо лить духи, чтобы благоухать, как парфюмерная фабрика «Красный Октябрь»?

— Думаю, она «Францией» пахнет, — возразил я.

— Возможно, я бы на твоём месте разобрался.

Глава 2. Балакирев

Прошло пять лет с того момента, как я познакомился с Колей Чемодановым. К тому времени на страну обрушились реформы, всё приватизировалось, народ обнищал, а жулики с проходимцами строили виллы и ездили отдыхать за кордон.

Мой друг превратился в респектабельного бизнесмена; на визитке чёрным по белому значилось:

Председатель Областного
Профсоюзного комитета
Чемоданов Н.Н.

Многие коммерческие банки с удовольствием спонсировали профсоюзного босса льготными кредитами, а мой друг переправлял эти кредиты «под свисток» производственным фирмам; некоторые из них после его «услуг» обанкротились.

Как-то утром Коля разбудил меня телефонным звонком:

— Срочно приезжай в офис!

— Что, опять девочки утром? Девульки поутру — это признак жлобства, — я спросонья хотел отмахнуться. С меня было достаточно вчерашних девушек из хоровой капеллы. У двоих было что-то не то с физиологией: ноги росли от «коренных зубов», а ещё одна из них, наверное, в цирке до этого подрабатывала глотательницей шпaga.

— Нет, есть идея, арендуем пароход! Будем туристическим бизнесом заниматься! Я уже договорился с начальником пароходства.

Думаю, вот молодец! Только в три часа ночи мы расползлись по домам, а Чемоданов после нашего randevu вместе с вчерашней хористкой в пароходство поехал, решал дела с начальником этого ведомства в парилке.

Пароход оказался стоявшим на приколе речным туристическим судном - «композитор Балакирев». Их сделали столько, сколько было композиторов в «Могучей кучке» и разбросали по могучим рекам бывшего Союза, дав соответственно имена музыкантов.

Распределив обязанности, мы быстро взялись за дело. Я выполнял техническую часть, Чемоданов занимался административной работой. Решили сделать из корабля бордель на воде. На верхней палубе разместили дискотеку, а машинное отделение определили под бар. Мешающие мачту, дым-трубу, дизели, насосы срезали автогенном и утопили в Иртыше. Обвешали корабль иллюминацией, нашли обслуживающий персонал и стали ждать сезона отпусков.

Я заранее пригласил всех своих знакомых женщин. Как тогда мы считали: контингент решает всё. В числе приглашённых числились стюардессы Пулковских авиалиний и путаны славного города Санкт-Петербург, с которыми я лично имел дружеские отношения. Да, да, три года назад я делил с девушками номер в гостинице турецкого города Трабзон, куда судьба меня забросила на заработки. Коля тоже подсуетился: отослал приглашение знакомым драматическим актрисам, а студентки музыкального училища были приглашены в качестве обслуживающего персонала. Но основная ставка делалась на денежных работяг с «Якут алмаз золота» и местных «братков», твердо пообещавших: «Бандиты со всей Сибири и Алтая приедут». Ведь пароход

«Балакирев» считался нейтральной зоной и числился на балансе в МВД области, а до нас там была ментовская турбаза.

Быстро сделав косметический ремонт, уже в начале июня мы разместили первых отдыхающих.

Широкий бревенчатый трап принимал на свой помост всех желающих, кто хотел днём, а особенно ночью, насладиться жизнью. Отпуска летние короткие, а хочется так много успеть. Там у трапа, соединявшего грешный островок любви с твёрдой поверхностью земли, росла ёлка. Не помню, кто первым предложил делать зарубки на стволе растения, но для поварахи Клары осталась загадка: почему, то директор турбазы, то заместитель в разное время дня и ночи выбегают к бедной ёлочке с топором. На самом же деле, всё было предельно просто: одна зарубка — «победа на сексуальном фронте», две зарубки - общая победа, схема проста: два + одна. Мы склонялись больше ко второму варианту: во-первых - в групповухе можно «сачкануть», а во вторых - веселее.

Летний сезон был уже в разгаре, на стволе отчётливо просматривались следы дровосека, безжалостно надрубившего дерево. Но однажды произошло то, что спасло ёлку от полного истребления.

После обеда, рассматривая в бинокль противоположный берег, на котором находилась база отдыха моего любимого института, мой взгляд наткнулся на прекрасную женщину в купальнике бикини. Хорошая оптика не обманывала: в призме двадцатипятикратного увеличения я рассматривал своего проректора по воспитательной работе - Татьяну Ильиничну. Рядом с ней загорала блондинистая девушка, по всей вероятности, участвующая в показе мод города Таллина или Тарту. Только мёртвый мог бы спокойно наблюдать в бинокль.

Я среагировал по-своему:

— Чемоданов в лодку! Вижу цель, идём на abordaj!

Глава 3. Ах, Виолетта, Виолетта

«Модель» действительно родилась в Прибалтике, имела за плечами пединститут и носила импортное имя Виолетта. Ещё она держалась непринуждённо и говорила с небольшим акцен-

том, что придавало ей дополнительный шарм. Виолетта до этого уже побывала замужем. Имела от неудачного брака сына, которого часто привозила к бабушке. Бывшая свекровь оказалась моим бывшим проректором по воспитательной работе - Татьяной Ильиничной. Мы с Чемодановым сразу определили, что отношения бывших родственников не испорчены.

— Татьяна Ильинична! Не может быть! Кто это рядом с вами? Даже лунное затмение меньше заслоняет собой солнце! Женщин такой дивной красоты мы в наших краях не встречали!

Чемоданов, который до этого разглядывал мозоли от вёсел на ухоженной ладошке, молчал. Потом зачерпнул в пригоршню за бортом водички, сделал глоток и влажной рукой поправил слипшиеся волосы на затылке. Дальше я услышал такую речь, после которой сам, смахнув слезу умиления, поверил: какие мы хорошие и положительные, а времяпрепровождение в нашей компании никак не повредит вечернему досугу. Татьяна Ильинична от нашего предложения посетить «Балакирев» отказалась, мотивируя, что кто-то должен остаться с внуком. Но по глазам было видно: это решение далось ей с трудом. Давая последние наставления перед отплытием лодки, она сказала:

— Виолетта, постарайся вернуться к утру и несильно пьяная.

— Не переживайте, привезём через полчаса совершенно трезвую! — сострил Чемоданов, работая вёслами.

Как только мы поднялись на палубу корабля, к нам подбежал юноша - рабочий ресторана, выполняющий какие-то личные поручения Чемоданова.

— Николай Николаевич! Вас какая-то юная особа спрашивала. Дочкой назвалась!

— Красивая? Длинноногая? Люблю красивых! Где дочка? Ну вы, как-нибудь без меня, — сказал Коля и с мальчиком убежал в каюту, где ждала «дочка».

Оставшись один на один с Виолеттой, я не расстроился, хотя по большому счёту было безразницы с Колей или в одиночку, но сейчас хотелось побыть наедине с прекрасной блондинкой. Девушка с лёгким прибалтийским акцентом поинтересовалась:

— С чего начнём нашу экскурсию по пароходу.

— Конечно, с каюты капитана, но в начале приглашаю вас в наш гостеприимный кафе-бар.

Спускаясь по винтовому трапу, я крепко сжал чуть влажную ручку своей новой знакомой. Признаюсь: даже у меня сердце стало учащённо биться.

Бар нас встретил мягким полумраком, приятной музыкой и услужливым барменом.

— Что будете?

— Пожалуйста, всё самое лучшее, с учетом моей комплекции и зверским аппетитом, — пошутила Виолетта. Остроумие и задор госты с противоположного берега подчёркивали серьёзное намерение: весело провести ночное приключение в моём обществе.

Бармен разнообразием закусок нас баловать не стал, поставил на стол консервы «шпроты в масле», колбаску «салями» и банку компота из брусники. С напитками дело обстояло намного лучше, ассортимент алкогольных и прохладительных напитков в баре был настолько велик, что его нет смысла перечислять.

— Почему такая диспропорция алкоголя с «десертом»? — высказала, будто в шутку, своё возмущение Виолетта.

Бармен, что-то бубня под нос, удалился, да и что он мог сказать? Ведь поставкой продуктов занимался я.

— Разберёмся, виновных накажем, завтра будет лучше, чем вчера, — и взяв новую бутылку шампанского с хрустальными фужерами, я подмигнул бармену, почему-то принявшего мои слова за чистую монету.

— Ну что, пошли, самое время свежим воздухом подышать, предлагаю капитанский мостик. Как у тебя с воображением? Вот и здорово, встанешь у штурвала и будешь проклады-

вать путь судна в ночной мгле. Мне же придётся наливать шампанское, в перерывах предлагаю целоваться.

— Согласна! — сказала Виолетта, кокетливо подмигнув.

Расставив фужеры пирамидкой, я дёрнул за усики пробку, раздался хлопок, и напиток, как-то нелепо пенясь, заполнил хрусталь.

— За что пьём? — подняла фужер обворожительная гостья.

— За ночь на капитанском мостике!

Подождав, пока дама насладится букетом шампанского, я залпом опрокинул свою порцию, по-гусарски разбил хрусталь о палубу и обнял Виолетту...

Отдыхающие пошли принимать утренние ванны, а самые активные выбежали на пробежку. Только нам ни до кого не было дела, мы продолжали стоять на палубе речного судна, слившись в страстном поцелуе, который стер в нашем сознании время.

Волосы Виолетты развивались на ветру, штурвал с наброшенной на него одеждой давал свободный ход, была середина июля.

Глава 4. Нравственная женщина

Уже второй месяц живу с Виолеттой, мыслишки стали появляться: «А не покончить ли с холостяцкой жизнью».

Друзья заметили перемены, говорят:

Всегда рубашка глаженная и поправился, лицо заметно округлилось.

Спрашиваю:

— Как вес не нагулять на домашних харчах? Раньше только один раз в день в куриной забегаловке синих цыплят - «табака» глодал. А у Виолетты всё по-человечески, три раза в день: завтрак - бутерброд с красной икорочкой, на обед - сытный суп с компотом, и ужин при свечах, как обяzałовка. Чемоданов стал обижаться, придет в гости, глаза грустные, лепечет вполголоса:

— Друг у меня погибает, надо лечить!

Да я сам не знаю, что со мной происходит, наверное, привык к романтике при свечах.

Но однажды вечером к нам пришла Татьяна Ильинична. А у нас застолье, книжный шкаф купили, «накрыли стол», чтобы шкаф дольше стоял. Пригласили бывшую родственницу к столу. Сидим, я байки травлю, всем весело под закусочку. Час, два обмываем покупку, ноги затекли. Захотелось встать, размяться, потанцевать, а женщины:

— Рано плясать, давай ещё анекдот!

— Ладно, слушайте сорок первый анекдот из жизни евреев.

Расселся поудобней, ноги под столом вытянул, как-то вскользь по ножке хозяйки задел.

— Извиняюсь, — говорю.

Виолетта продолжает смеяться, как бы не замечая. Сидим минут двадцать, я уже выдыхаться начал:

— Виолетточка, поставь, пожалуйста, чайку.

Какое же было мое удивление, когда она ушла, а ножка, к которой я прижимался, поглаживая тыльной стороной ступни, осталась. Уловив моё секундное замешательство, Татьяна Ильинична сказала:

— Уже поздно, надо собираться домой, молодой человек проводите даму.

— Конечно, мама, не беспокойтесь. Может, чайку попьёте и пойдёте? — отозвалась с кухни Виолетта.

Был тёплый осенний вечер, уличные фонари освещали аллеи, листва мешалась под ногами. Зная, что моя спутница автомобилист—любитель, я выбрал беспроегршную тему, где бывший студент с достоинством профессора рассказывал последние новости из жизни

моторов, автомобилей и фирм их производящих. Женщина была поражена познаниями, а я - своей памятью. Не далее, как сегодня утром, ждал грузчиков, которые должны были привезти шкаф, и от скуки пролистал свежий номер «Авто РЕВЮ». Незаметно мы оказались у дверей квартиры моей бывшей проректорши по воспитательной работе.

— Зайдешь, или надо бежать к молодой девушке, чай пить.

— Спасибо, от кофе с бальзамом не откажусь.

— Что ты ещё обо мне знаешь, что она успела рассказать? — Единственное, что она мне сказала: вы любите в одиночестве слушать музыку Фаусто Паппети.

— Пошли, чашечкой кофе тебя угошу, и надо менять привычки.

Когда погрузился в мягкое кожаное кресло, а гостеприимная хозяйка включила музыку и ушла на кухню варить кофе, я понял, что начинаю выздоравливать и жениться ещё рано. Минут пять слушал музыку и наслаждался душевным покоем, пока в дверях не появилась Татьяна Ильинична с подносом.

— Секундочку, сейчас помогу, — быстрой походкой и хищным взглядом я перехватил поднос с кофе и поставил на журнальный столик.

— Не надо, я боюсь!

«Поздно, легче остановить груженный локомотив», — пронеслось в мозгу.

Нежно обняв женщину за плечи, я резко повалил её на кожаный диван, который стал единственным свидетелем разврата...

— Себя ненавижу, как с мужем развелась, у меня по-настоящему ни с кем не было, а так - впервые. Одно скажу, спасибо тебе, теперь и умирать не страшно.

— Тебе, Таня, рано умирать, живи, люби, наслаждайся жизнью, — первый раз назвал я её просто по имени.

Она заплакала и уткнулась мне в плечо. Отпив уже холодный кофе, я не спеша делал то, что доставляло нам обоим удовлетворение. Проректор по воспитательной работе в перерывах сообщала, что сходит с ума. Потом, рыдая, просила:

— Ещё! Ещё!

Я как честный человек к Виолетте больше не вернулся. К Татьяне Ильиничне же заглядывал раз шесть, на «огонёк».

И всегда удовлетворёно для себя отмечал: молодость превращается в зрелость, а красота, забальзамированная французскими духами, переходит в «особое состояние», как наркотик, вечно искушая соблазном.

Глава 5. В разносе

Я, словно маховик, который раскачали, не мог остановиться и продолжал пополнять «коллекцию». Новые приключения липли ко мне, как глина. Просыпаясь утром, боялся открывать глаза, пугала мысль, где я и с кем. Очень радовался, если просыпался дома и кто-то заботливой рукой на кухне готовил завтрак, пытаюсь навести в доме порядок. Хозяйки, как правило, не задерживались больше чем на два дня. В роли главы семейства я себя в то время даже в самом правильном сне не мог представить.

Девушки это понимали и исчезали из моей жизни. Однако случалось и такое, что даже искушённого в сексуальных баталиях бойца выбивало из привычной колеи, оставляя глубокий след в памяти.

Чемоданов на компьютере составил целый список респектабельных невест в возрасте, которых мы окрестили «вдовушки». Коля как опытный психолог просчитал ситуацию. Дамы этой категории были не первой свежести, порой очень некрасивые, но все как одна имели свою жилплощадь и думали, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок, во всяком случае - первоначальная тропинка. Однажды мы с Чемодановым пришли к очередной «вдовушке»,

где стол ломился от деликатесов. Я был в роли жениха. Невеста оказалась давней знакомой Николай Николаевича, работала она главным бухгалтером в банке и давно подыскивала себе подходящего мужа.

Чемоданов заранее предупредил: «Банкирша не фонтан, но ради дела будет полезно, если ты до утра там задержишься».

Там было всё: квартира после евроремонта, машина, золото, намёки сделать мою жизнь похожей на сказку и стол с мыслимыми и немыслимыми закусками. Не было лишь одного - хоть маленького намёка на красоту. За толстыми линзами в золоченой оправе на меня взирали раскосые глаза, на красном лице верхняя губа была покрыта щёткой усов и дёргалась в такт с пульсирующим сердцем. Мощные ноги были расставлены в боевую позицию. Николай Николаевич сразу набросился на закуски, он мог себе это позволить, ведь Коля ничем не рисковал! Уже изрядно влив коньяка, Чемоданов начал издеваться:

— Смотри, Людмила, какого тебе жениха привёл, с тебя льготный кредит. А на свадьбу позовёте?

Но «вдовушка» уже перестала соображать и смотрела на меня как зомби, большое лицо покрылось капельками пота, в нескольких местах размазав тушь. Я понял, надо быстрее уходить, пока мышеловка не захлопнулась. Сославшись на головную боль, я пулей вылетел на улицу, вскочил в машину и рванул с места. Опьянённый свободой, два часа без цели мотался по новостройкам ночного города и не заметил, как кончился бензин. Машина остановилась около какой-то девятиэтажки. Куда идти? Телефона поблизости нет, таксисты вряд ли здесь без вызова появляются. Вдруг в сумерках я увидел силуэт девушки, она сидела на лавочке и курила сигарету.

Это шанс, возможно у неё дома есть телефон, и она сможет помочь. На мои шутки и заигрывание девушка не обратила внимание.

— Если хочешь позвонить, пошли, дома есть телефон. Ты можешь вызвать такси, а то не успеешь. Ишь, как на свадьбу вырядился. Жаль, магазины закрыты, сейчас что-нибудь бы выпила, — сказала она без связи и заревела.

Я начал успокаивать девушку и вскоре выяснил, что зовут её Лариса, и она поссорилась с сестрой. Стало интересно, в чём причина и откровенно - она мне понравилась.

У Ларисы не было хорошей квартиры, жили они втроём с сестрой и отцом, который работал вахтовым методом - неделю на работе, неделю дома. Отец в данный вечер бурил где-то свои скважины. А также не было ни золота, ни машины, но было одно, что притягивало - это свежесть и красота.

— Лариса, не хочу быть слишком навязчивым, в машине есть бутылочка хорошего молдавского коньяка. И ты действительно угадала: я только что сбежал от невесты, к которой ездил свататься (это где-то соответствовало истине).

Девушка впервые за наше знакомство засмеялась.

— А ты знаешь, из-за чего мы с сестрой поругались? У меня был жених, и мы встречались около года, всё шло к свадьбе. Вдруг, оказывается, что когда у нас только начиналось, он переспал с сестрой. Перед моей свадьбой она открыла их тайну. Жених оправдывался, что перепутал нас. Говорит: «Вы, как две капли воды, похожи, и я до сих пор не знаю на ком женюсь». Жениха я выгнала, а с сестрой Жанной поссорилась. Она куда-то убежала, вот сижу её дождаюсь. Ну ладно, говоришь, коньяк хороший? Пошли, отметим наши неудачные помолвки. Мы с тобой как бы друзья по несчастью.

На самом деле я был рад и взволнован, что судьба меня свела с такой прекрасной и не комплексующей девушкой. Три часа нашей беседы пролетели как один миг. Я не хотел уходить из этой маленькой уютной квартирki, с каждой минутой хозяйка всё больше нравилась мне, осмелев, я сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.